

© 1995 г.

И.С. ТУРОВ

ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Общеизвестно, что становление и развитие городского образа жизни представляет собой сложный и многоплановый процесс. Каждое поколение проходит и переживает его как бы заново, постепенно усваивая те черты и нормы общественного поведения, которые были привычными для представителей более старших поколений. Вместе с тем, отражая, изменение объективных условий жизни людей и сдвиги в социальной структуре общества, каждое последующее поколение в принципе обогащает этот образ жизни.

В современных условиях, когда развитие общества подчинено ориентации на новые представления, необходима Орлее критично взглянуть на состояние и проблему стабилизации образа жизни населения.

Важный вопрос, встающий в этой связи, — проблема субъекта городского образа жизни. В научной литературе обычно население города вычленяется в специфическое социальное образование, территориальную общность людей, которая и является субъектом городского образа жизни¹, в то время как население деревни как социально-территориальная общность становится субъектом сельского образа жизни.

И очевидно, что само содержание городского образа жизни невозможно понять без выявления особенностей городских условий жизнедеятельности в их отличии от сельских условий.

Специфика городских условий жизнедеятельности (это особенно подчеркивал Санкт-Петербургский ученый М.Н. Межевич) детерминирована двумя группам факторов и соответственно этому проявляется в двух, достаточно автономных аспектах. Во-первых, аспект, который по своему существу есть социально-экологические особенности городских условий жизнедеятельности. Во-вторых — социально-экономические особенности этих условий. Рассмотрим сказанное несколько подробнее, ибо именно на этой основе можно выявить содержание городского образа жизни.

Социально-экологические особенности городских условий жизни характеризуют город как особую среду обитания человека, глубоко отличную от среды обитания сельского типа. В свою очередь специфика города как среды обитания — явление производное от общественного производства, от общественного труда, в частности, от его разделения на сельскохозяйственный и несельскохозяйственный виды. В интересующем

¹ Подробнее об этом см.: Город: проблемы социального развития. Л., 1982. С. 37—44, а также последующие работы научного коллектива Института социально-экономических проблем (ИСЭП АН).

нас аспекте главное заключается в том, что эти виды труда отличаются различным соотношением природных и социально-исторических начал, отчетливо выраженным различием самого способа получения необходимых человеку жизненных средств, и, в силу этого, глубоко неодинаковыми результатами взаимодействия общества и природы.

Искусственная и сконцентрированная среда, базирующаяся на «неприродном» труде, конкретным образом определяет жизнедеятельность человека. Усложнение и развитие производства сопровождается ростом требований к работнику, его образованию и квалификации. Разнообразие же видов труда создает потенциальную возможность для более универсального, нежели в деревне, развития человека. Разрыв с землей в конце концов приводит к становлению разветвленной сферы обслуживания. В свою очередь концентрация культуры и информации обуславливает возможности высокой степени развития духовной сферы. Разрушение соседских связей и контактов влечет за собой преобладание анонимного общения. В этих условиях главное значение приобретает необходимость регулирования жизнедеятельности на основе внешних по отношению к индивиду социальных норм, одним из выражений чего и становится так называемая функционально-ролевая структура деятельности, сводящая к минимуму существующие личностные связи.

Коренной вопрос в этой связи формулируется так: задают ли сами по себе социально-экологические особенности города как среды обитания образ жизни как таковой, определяют ли они совокупность форм жизнедеятельности, которую мы и называем городским образом жизни? Ответ однозначен: с нашей точки зрения, социально-экологические особенности городских условий жизни определяют не столько сам образ жизни, сколько стереотипы бытового поведения населения.

Указанное обстоятельство имеет особое значение для понимания существа городского образа жизни как жизни вообще. Дело в том, что сама категория "образ жизни", на наш взгляд, нуждается в членении, выделяющем в ней сущностную сторону и ту, которая задается внешними обстоятельствами. Ключевая, сущностная сторона образа жизни — характер жизнедеятельности его субъекта. Она отражает в конечном итоге соотношение между жизнедеятельностью индивида и развитием общества.

С этой точки зрения характер жизнедеятельности (в отличие от ее содержания, задаваемого внешними обстоятельствами — степенью развития среды обитания от природной к природно-социальной; мерой сложности труда, необходимым уровнем подготовленности работника к труду и человека — к социальной практике и т.д.) выражает собой соотношение между индивидуальным и социальным, между личным интересом человека и интересами общественными.

Характер жизнедеятельности — проявление социальной детерминации. Дело ведь не просто в соотношении «индивидуальное — коллективное», а в природе отношений, которые объективно связывают людей в процессе общественной жизни. В условиях перехода к рынку складываются явные противоречия в интересах групп и, следовательно, складывается качественно новая ситуация в соотношении индивидуального и коллективного в жизнедеятельности человека. Внешнее совпадение коренных интересов всех классов и социальных групп в период 70—80-х годов создавало предпосылки для нарастания коллективистских начал в жизнедеятельности человека. В силу этого все социально-классовые группы обрели какие-то общие черты образа жизни, отражающие общие стороны социально-экономических условий жизнедеятельности тогдашних советских людей.

Существовавшее же разнообразие трудовой деятельности само по себе еще ничего не решало. Социально-экологические условия существовали в качестве некой возможности для развития человека. Ее реализация же зависела не только от самих условий, но и от системы социально-экономических отношений, господствовавших в советском обществе.

Разумеется, не существовало и не существует образа жизни, единого для всех обитателей российских городов. В соответствии с глубокой дифференциацией условий жизнедеятельности, выступающей одним из проявлений социально-классовой дифференциации, складывается и сама реальная жизнедеятельность, социальное поведение тех либо иных классов и социально-классовых групп городского населения. Вместе с тем характер жизнедеятельности горожан имеет и достаточно много общих черт.

Коренным противоречием образа жизни российского горожанина становится в условиях города разрыв между теми возможностями для развития человека, которые аккумулирует город, и характером использования этих возможностей, т.е., говоря иными словами, результатами этого развития для человека. Типичный городской образ жизни, людей уже давно и прочно преобладает в развитых капиталистических странах. Процесс перехода к нему неизбежен, объективно обусловлен и в целом позитивен. Однако использование новых возможностей в интересах удовлетворения потребностей и развития способностей происходит в соответствии с социальной групповой принадлежностью горожанина, а отнюдь не с его простой принадлежностью к городскому сообществу в целом. В результате качественно больший выбор сфер трудовой деятельности, к примеру, опосредован возможностью получения соответствующего образования и хозяйственной конъюнктурой, а сама трудовая деятельность может быть рассмотрена прежде всего как средство получения индивидуальных доходов. В этих условиях господствующей установкой типичного горожанина, его смыслом жизни становятся доход и потребление.

Концентрация огромных масс населения на ограниченной территории в условиях агломераций и урбани-

зированных районов совсем не означает устранения разобщенности между группами населения, т.е. не представляет, собой перехода к коллективности качественно нового типа. Пространственное единство остается здесь принудительной, разъединенной, мнимой общностью. Разобщенность людей в городе не может быть преодолена ни развитием массовой коммуникации, ни массовой автомобилизацией и высоким уровнем транспортной доступности. Люди — рядом друг с другом, и в то же время они социально отделены друг от друга — ибо их разобщение предопределено глубоким различием их коренных социальных интересов. Для подавляющего большинства горожан состояние социальной изолированности и разобщенности остается жесткой реальностью, невзирая на концентрацию множества людей на незначительной территории, бурное развитие рынка и интенсификацию средств массовой коммуникации.

Не менее отчетливо воспроизводится в крупных российских городах и духовная отсталость, бывшая в прошлом характерной чертой развития деревни. С той лишь разницей, что в городе она получает иное выражение и существует как широчайшее распространение «массовой» культуры, ослабление установок на высокие, подлинные духовные ценности, своего рода стандартизация потребностей и вкусов и т.д. Можно сказать, что односторонность развития человека в деревне как социально-территориальной периферии в новой форме воспроизводится и в крупном городе. Удаленность человека от культуры и подлинно духовного развития проявляется здесь не как территориальная изоляция от этих благ, но становится внутренне присущим его образу жизни качеством. Разумеется, суть дела и в этом случае в социально-экономической детерминации. Но она срабатывает теперь как бы напрямую, без пространственной опосредованности. Человек в городе не только рядом с культурой, но она и абсорбируется им.

Город как в условиях российского социализма, так и в случае перехода к рынку по-прежнему не становится благом для человека. По многим данным, в крупных российских городах уровень преступности гораздо выше, чем прежде. Для них характерно и широкое распространение наркотиков. Отчуждение человека наиболее уродливые формы приобретает именно в условиях крупного города.

Таким образом, сущностные черты городского образа жизни лишь на основе социально-экологических факторов городской среды выявлены быть не могут. Городские условия жизнедеятельности, городская среда должны рассматриваться уже не только с социально-экологической, но и социально-экономической точки зрения. Сама городская среда выступает в этом случае конкретным проявлением общественно-экономических условий. И сопоставление ее с сельской средой лишь теперь обретает конкретно-исторический характер.

И городские, и сельские условия жизнедеятельности представляют собой конкретное проявление существующих общественных условий. Уже в силу этого понятно, что образ жизни как категория, обусловленная прежде всего характером общественных отношений, присущ и деревне, и городу.

Поэтому, на наш взгляд, вряд ли вообще правомерно ставить вопрос по-прежнему прямолинейно — какой образ жизни сейчас «лучше», городской или сельский? Становление определенных черт образа жизни в городах, не лишено противоречий, носящих неантагонистический характер и отражающих, в конечном счете, известную ограниченность городской среды (как и сельской), существующую вплоть до преодоления, разумеется, в далеком будущем существенных различий между городом и деревней.

Конечно, полное преодоление анонимности общения в условиях города — дело невозможное, да и вряд ли нужное. Однако качественное оживление работы органов местного самоуправления, действующих зачастую лишь в работах публицистов, — крайне назревшая проблема.

Основное противоречие в системе городского образа жизни разворачивается как несоответствие между потребностями человека как социально-биологического существа, с одной стороны, и нарастанием искусственных компонентов городской среды обитания — с другой. Дело не в только в отдалении от природы. Определенные проблемы встают здесь и в сфере физического состояния человека. Горожанин остается в условиях крупного города субъектом ограниченных отношений с природой. Биологическая природа человека в этих условиях не получает необходимого простора в своем функционировании. Данное противоречие имеет несколько аспектов своего проявления: отравление воздуха, воды, негативные последствия для здоровья человека, выступающие результатом ярко выраженной гиподинамии городского жителя, возрастающая стрессовая нагрузка. Складывается впечатление, что адаптационный механизм человека отнюдь не беспределен, сегодня он работает с явной перегрузкой.

Нетрудно видеть, что преодоление этого противоречия вряд ли возможно в рамках городской среды обитания. Решение этой проблемы возможно лишь на путях формирования интегрированных систем расселения, в пределах которых деревня не исчезает, не заменяется городом, а существует как среда обитания, доступная горожанину и являющаяся органической составной частью непосредственных условий его жизнедеятельности. Конкретные формы этого положения — вопрос, требующий специального анализа, начало которому положил М.Н. Межевич.

Таким образом, городской образ жизни, выступая разновидностью нынешнего российского образа жизни, в то же время характеризуется определенными противоречиями. Эти противоречия не являются непреодолимыми, однако они объективны, реальны, ибо отражают, в конечном счете, дифференцированное в социально-экономическом отношении и неинтегрированное, пространственно разъединенное существование

города и деревни как форм поселений, условия жизнедеятельности в которых характеризуются наличием существенных, социальных по своей природе различий.

Внимательный читатель, возможно, обратит внимание на некоторую отвлеченность рассуждений о городском образе жизни. Но попытка возобновить дискуссии о его основных чертах, дискуссии, развнувшиеся благодаря усилиям Санкт-Петербургских ученых (А.В. Баранов, М.Н. Межевич, О.И. Шкаратан и др.), на наш взгляд, оправдана. Важно в этой связи сделать акцент на перспективы развития жизни горожан, поскольку разразившиеся социально-экономический и экологический кризисы в конечном итоге будут преодолены. Исследования же текущих, преходящих моментов жизни горожан хотя и чрезвычайно интересны, но не дают подобной перспективы.

Из последних работ все же следует особо отметить не только статьи в «Социологических исследованиях», но и появившиеся недавно в журнале «Мир России» (1994, № 1) работы Б.М. Фирсова («Кто он такой — петербуржец»), О.И. Шкаратана («От центра империи к национальной столице»), а также В.Л. Глазычева («Москва: среди призраков городской среды»). Журнал «Социс» мог бы с привлечением к работе известных авторов посвятить городской проблематике специальный номер, подобный тем, которые были выпущены по «военной» и «северной» тематикам.

© 1995 г.